

Вероника Макарова, Светлана Подрезова

Этнографическое «кино» от Нины Гавриловны

Видеозапись, о которой пойдет речь в нашей статье¹, была сделана в мае 2006 г. в одной из деревень Жуковского района Брянской области во время экспедиции, организованной фольклорно-этнографическим отделом Дома детского творчества «Современник» (Выборгский район Санкт-Петербурга)².

Знакомство сотрудников отдела с Ниной Гавриловной³ состоялось в 2002 г., когда экспедиция впервые остановилась в деревне, где она проживает. Все последующие приезды сюда сопровождались неизменными встречами с этой информанткой, так что к моменту нашего с ней знакомства отношения Нины Гавриловны с членами экспедиции отличались заметной теплотой и открытостью.

Вероника Юрьевна Макарова

Санкт-Петербургская
государственная консерватория
им. Н.А. Римского-Корсакова
nika@eu.spb.ru

Светлана Викторовна Подрезова

Санкт-Петербургская
государственная консерватория
им. Н.А. Римского-Корсакова
svepod@gmail.com

¹ Автор видеозаписи — Ольга Александровна Рудяева, ведет беседу Татьяна Владимировна Ананченко при участии Вероники Юрьевны Макаровой.

² Уже более десяти лет в рамках отдела действует Школа русской традиционной культуры «Горница», ориентированная на комплексное изучение традиционной культуры (фольклора, этнографии, различных видов рукоделия, игры на народных инструментах). Одна из основных идей экспедиций, которые входят в обязательную программу обучения, — познакомить учащихся с живой традицией, пробудить их интерес к народной культуре и дать первые навыки собирательской работы. Экспедиции преследуют и научные цели, а именно — сбор фольклорно-этнографических данных, прежде всего, песенного фольклора, инструментальных наигрышей, костюмов и предметов быта. Собранный материал формирует полевой архив отдела и становится базой для организации учебного процесса. Что касается экспедиции 2006 г., то в ней участвовало 13 человек: 6 педагогов/сотрудников и 7 учащихся — девочек в возрасте от 11 до 15 лет. Забегая вперед, отметим, что присутствие детей явно сказалось на манере Нины Гавриловны подавать материал ярко, доходчиво и наглядно. На момент записи мы, авторы данной статьи, являлись сотрудниками фольклорно-этнографического отдела.

³ Несмотря на то, что Нина Гавриловна дала нам свое согласие на публикацию интервью, мы сочли целесообразным не указывать ее фамилию и название деревни, в которой она сейчас проживает.

К биографии Нины Гавриловны

Нина Гавриловна родилась 15 февраля 1935 г. в деревне Новониколаевка. Эта деревня расположена в двух десятках километров от того места, где сейчас проживает наша героиня, и недалеко от известного села Дорожево, соседством с которым Нина Гавриловна гордится, называя себя «дорожёвской». Мать Нины Гавриловны была крестьянкой, отец — ветврачом, в семье было 18 детей, из которых выжило 10.

Во время Великой Отечественной войны Нина Гавриловна оказалась в Западной Белоруссии (Барановичский район), где «была в няньках» вплоть до 1945 г. Вернувшись на родину и окончив там семь классов, она поступила в сельскохозяйственную школу в Стародубье, где получила образование бухгалтера. В 1954 г. вышла замуж за кадрового военного, уроженца деревни Старомысличи («за три километра» от Новониколаевки). Непродолжительное время жила с семьей в Польше (г. Коваль), а в 1962 г. обосновалась на нынешнем месте. Колхозницей почти не была («только хвостом вильнула», как говорит она о себе), по профессии работала недолго, большую часть жизни посвятив работе «на производствах» («на подсечке»¹ в химлесхозкомбинате) и в магазине (грузчиком). Из пятерых детей Нины Гавриловны в живых остались только трое, все — сыновья. Сейчас она вдова и проживает в своем доме одна, хотя неподалеку, в соседних деревнях, живут ее многочисленные родственники.

Наша героиня — крепкая, подвижная и жизнерадостная женщина. Она одна из тех, кто владеет традицией пения «божественных» (духовных) стихов. Нину Гавриловну ценят в деревне как знатока похоронного обряда, регулярно приглашают обмывать умерших и «ночевать» (бдеть) рядом с ними. Кроме того, она знает целый ряд «отговоров»: от грыжи, от укуса змеи, от рожи, от испуга, на остановку крови — и односельчане нередко обращаются к ней за помощью. Заговоры «на любовь» Нина Гавриловна не знает и считает их греховными.

История «кино»

Сразу отметим, что мы используем термин «кино» и говорим о Нине Гавриловне как о «режиссере» этого «кино» с определенной долей условности. Конечно же, сама Нина Гавриловна не называла происходящее съемкой фильма, а себя — актрисой или режиссером, хотя в этом, как мы попытаемся показать, был ее замысел. В данном случае «кино» — это своеобразная

¹ Добыча смолы.

интерпретационная категория, способ описать то, свидетелями чего мы оказались¹.

Интервью, которое легло в основу «фильма», нами не планировалось. В тот день мы вернулись в деревню вечером после дальнего маршрута и лишь потом узнали, что Нина Гавриловна нас ожидает. Это было неудивительно: во взаимоотношениях с собирателями наша информантка нередко брала инициативу в свои руки и приглашала в гости для беседы на выбранную ею тему. Кроме того, Нина Гавриловна знала, что это интервью, как и все предыдущие, будет записываться на видеопленку.

«Кино» — это связный рассказ Нины Гавриловны, который вполне мог быть монологичным, если бы мы, собиратели, не вмешивались с уточняющими вопросами. Но это не просто повествование. Оно опирается на демонстрацию этнографических образцов, бывших во времена ее молодости в активном использовании и сохранившихся в ее доме. За время интервью Нина Гавриловна показала нам 19 предметов: *лукошко, свайку, корзинку, деревянную лопату, пральник, нóчвы, ведро деревянное, два коромысла, корыто, сечку, слóнчик, девятню, кубел, струг, скобелочку, буровéц, ножны, тёсла*. Примечательно: если у Нины Гавриловны не было под рукой нужной вещи, которая требовалась ей для рассказа, наша информантка с легкостью находила ей замену, иногда — символическую, иногда — вполне правдоподобную, причем специально созданную как муляж несохранившегося образца. Таковыми в этот раз были *дерюга, свéточ* и *крюки для витья*.

Рассказ о каждом из предметов традиционного быта Нина Гавриловна непременно старалась сопроводить сведениями о процессе его изготовления, обрядовом контексте и времени использования. Таким образом, каждый из предметов получал своеобразный «паспорт». Разные образцы одного вида изделий она представляла в исторической ретроспективе: сначала демонстрировала более ранний, а потом более поздний, подчеркивая их преемственность (например, *лукошко*, которое сменила *корзина*, или два коромысла, одно из которых «советское», с железными крюками). Наша героиня как будто ставила перед собой задачу максимально полно отразить этнографию той или иной вещи.

Как и сам рассказ Нины Гавриловны, продуманный ею до мелочей, иллюстративный материал был заранее подготовлен. Практически все предметы были заблаговременно найдены,

¹ Собиратели не сразу поняли, что становятся участниками съемки «этнографического кино». Поэтому видеозапись не лишена недостатков, в частности, велась с паузами, что при просмотре не позволяет понять динамику и ход происходящего, «съедены» некоторые реплики.

положены в удобное место (в сарае, во дворе или в доме¹) и почти всегда оказывались под рукой в нужный момент. Пожалуй, самые замечательные из приготовлений Нины Гавриловны — это закопанная в землю картошка и «посаженная» фасоль. На видеозаписи хорошо видно, что перепаханная земля к моменту нашей беседы высохла, а это значит, что к встрече с нами Нина Гавриловна готовилась загодя.

Нужно помнить, что Нина Гавриловна — опытный информант. Она давно «раскусила» собирателей, причем определенных собирателей, и знает, как они ведут беседу с информантами. Ей не стоило труда заранее просчитать вопросы, которые могли прозвучать, и выстроить свой рассказ в соответствии с интересами слушателей. Наши редкие реплики Нину Гавриловну не сбивали, и зачастую в ответ на наши вопросы она давала понять, что ее рассказ и без каких бы то ни было подсказок предполагает интересующие нас разъяснения. Особенности речи нашей героини демонстрируют ее умение абстрагироваться от той традиции, носителем которой она является, и взглянуть на нее глазами стороннего наблюдателя. Обращая наше внимание на скамейку, она, например, не говорила: «Это слóнчик», но: «Вот, это звался слóнчик». Или говоря о скатерти: «Это называлось прóшва, а это — обкистить, обмахрить». Не случайно в этой своей роли Нина Гавриловна была похожа на экскурсовода, рассказывающего посетителям музея о старине. Можно с уверенностью сказать, что управление коммуникацией полностью находилось в руках информантки.

В «кино» нет бессодержательных отступлений или рассказов о жизни, которые не имели бы отношения к общей сюжетной линии. Сам выбор и последовательность эпизодов были подчинены общей идее. И, как нам кажется, идея эта заключалась в том, чтобы представить занятия деревенских жителей в той последовательности, в какой они имели место в годовом и суточном круге жизни крестьянина, начиная с этапа посадки огородных культур и заканчивая зимними домашними работами. Демонстрация всякого предмета мастерски встраивалась в общую канву повествования о повседневном быте землепашца. Появление новых тем для разговора казалось оправданным за счет использования своеобразных связок-переходов. Например: «Это все сделали, управили, сварили, поели. Дальше что делать надо? Надо на работу идтить»; «Ну, это закончили. Зима ж, крóсна ж надо ткать!» За счет бытовых диалогов и сценок из жизни, которые Нина Гавриловна весьма искусно

¹ Беседа с Ниной Гавриловной происходила сначала во дворе у огорода, а потом в ее доме.

разыгрывала в лицах, ее повествование выглядело живым и динамичным¹.

Информант как призвание

Анализируя множество встреч с Ниной Гавриловной, можно сказать, что интервью, о котором идет речь, для нее как информанта вполне типично. Уже во время первой встречи с участниками экспедиции она проявила присущий ей артистизм и свое искреннее желание максимально полно раскрыться перед собирателями. Многочисленные записи бесед с Ниной Гавриловной демонстрируют, что наша героиня тщательно готовится к каждой встрече, предугадывая исследовательский интерес.

Проникнувшись ценностями собирательской работы и осознав преимущества своего знания, Нина Гавриловна пошла дальше. Она создает, если использовать очередную метафору, своеобразный интерактивный музей, в котором все предметы оживают, встают на свое этнографическое место, включены в жизнь и обряд. И мы, собиратели, являемся его посетителями.

Симптоматично, что очень многие недостающие, но необходимые для рассказа вещи Нина Гавриловна изготавливает специально к приходу собирателей. Такие изделия подобны музейным муляжам, и нам не раз приходилось видеть процесс их создания. Например, для того чтобы мы имели представление о перине, информантка смастерила ее «уменьшенную копию», которая никакой практической ценности не имеет и в дальнейшем вряд ли может быть использована. Из газеты Нина Гавриловна сделала «выкройку» занавески, вырезав на ней рисунок, подобный тем, какие «в старину» вырезали на отрезке материи (конечно же, ее рассказ о занавеске был встроен в рассказ об украшении дома перед свадьбой). На наших глазах Нина Гавриловна сшила чепчик, который носили женщины под платком. Но поскольку чепчик был мал и не мог быть надет даже на детскую голову, она использовала для его демонстрации перевернутую литровую банку, на которую вместо глаз, носа и рта тут же приклеила куски бумаги, сделав таким образом своеобразный манекен. (К слову заметим, что на нашу просьбу сшить чепчик обычного размера Нина Гавриловна охотно согласилась и на следующий день представила нам новый образец.)

Интересно, что муляжи Нины Гавриловны — это, как правило, уменьшенные копии. Они во многом бутафорны. Это детали

¹ Отчасти такая сценическая форма рассказа связана с тем, что среди слушателей Нины Гавриловны всегда были дети — тоже участники экспедиции.

игры, а не реальности: они подобны прототипам, но функционально совершенно непригодны. Не случайно, говоря о себе и своей деятельности, Нина Гавриловна не раз замечала, что делает все «для смеху». Она играет в традицию, но и играет с традицией. Для того чтобы рассказ выглядел логично, стройно и, что немаловажно для нашей героини, красочно и ярко, она может что-то прибавить «от себя» и даже присочинить. Например, описывая «похороны кукушки», один из основных весенних обрядов местной традиции, Нина Гавриловна завела песню, которую якобы пели девушки. Однако эта песня, хоть и основанная на традиционных формулах, — произведение самой Нины Гавриловны. В фольклорной традиции специальной песни, соответствующей этому обрядовому моменту, нет.

Роль информанта, можно было бы даже сказать профессионального информанта, Нине Гавриловне явно близка. Общением с собирателями она дорожит, и долгая дружба с «питерцами» — предмет ее гордости. Ей приятно ощущать себя востребованной, и время приезда экспедиции организует ее индивидуальный календарь. В беседах о жизни в деревне она нашла выход своему артистизму, жизнелюбию и энергии. Ей приятно вспоминать свое прошлое, выискивать еще неизвестные для собирателей факты и преобразовывать информацию в красивый продукт, достойный исследователей и видеокамер. А нам, в свою очередь, интересно наблюдать за ее творчеством.

Видео 1

Видео 2